

К 40-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ВЫХОДА БОЛЬШОГО КИТАЙСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ

DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.44.006

Е.Ю. Стабурова

Большой китайско-русский словарь: к 40-летней годовщине

Аннотация. 40 лет тому назад произошло выдающееся для российского китаеведения событие — публикация «Большого китайско-русского словаря». Она стала результатом полувековой работы русских лексикографов и лексикологов и почти векового развития графических словарей. В статье рассматриваются история графических словарей, персоналии ученых, особенности Большого словаря, проблемы с его публикацией. Тот факт, что словарный состав охватывает период с древности до середины XX века, дает основание отдельным ученым считать это издание устаревшим. Проведенный в статье многоуровневый анализ позволил выявить ограниченность подобного подхода и сделать вывод о сохраняющейся актуальности словаря.

Ключевые слова: «Большой китайско-русский словарь», графические словари, В.П. Васильев, О.О. Розенберг, В.С. Колоколов, И.М. Ошанин, В.М. Алексеев.

Автор: Стабурова Елена Юрьевна, д.и.н. (Dr. habil. [History]), профессор, и.о. директора, Латвийский институт востоковедения. E-mail: yelena@latnet.lv

Elena Yu. Staburova

Big Chinese-Russian Dictionary: on the 40th Anniversary

Abstract. 40 years ago, an outstanding event for Russian sinology took place — the publication of the “Big Chinese-Russian Dictionary.” The dictionary was a product of half a century of work of Russian lexicographers and lexicologists and almost a century of development of graphic Chinese-Russian dictionaries. The focus of this study was the history of graphic dictionaries, personalities of researchers, distinctive characteristics of the Big Dictionary, and difficulties arising during its publication. The dictionary contains Chinese lexis and characters up to the middle of the 20th century, which allows some scholars to consider it outdated. The multilevel analysis carried out in the article made it possible to reveal the limitations of this approach and draw a conclusion about the continuing relevance of the dictionary.

Keywords: “Big Chinese-Russian Dictionary”, graphic dictionaries, V.P. Vasil'yev, O.O. Rosenberg, V.S. Kolokolov, I.M. Oshanin, V.M. Alekseyev.

Author: *Staburova Elena Yu.*, Dr. habil. (History), Professor, Acting Director, Latvian Institute of Oriental Studies (LIOS). E-mail: yelena@latnet.lv

В 2023 г. исполняется 40 лет со времени выхода в свет двух томов «Большого китайско-русского словаря» (далее — БКРС), третий и четвертый тома были изданы на год позже. И сегодня есть хороший повод вспомнить об истории создания словаря, выразить уважение авторам и дать оценку содержащегося в нем материала с точки зрения как сегодняшнего дня, так и неподвластных времени ценностей.

I Китайско-русские графические словари — предшественники БКРС

За точку отсчета истории этого словаря следует принять появление в России графической системы классификации иероглифов. Именно с этой позиции мы предлагаем рассмотреть путь российского китаеведения по направлению к БКРС.

Термин «графическая система» впервые встречается в 1841 г. в «Китайско-латинско-французском словаре» Дж. М.М. Кэллэри (Joseph M.M. Callary, 1810—1862) [Barllow, 1995, p. 795], предложившим распределять иероглифы по первой черте. Следующий шаг в направлении группировки китайских письменных знаков по графическому принципу был сделан в 1867 г. основателем российского академического китаеведения В.П. Васильевым. Он обратил внимание на то, что китайская письменность «разрастается» от простых начертаний к сложным, и, исходя из этого наблюдения, рекомендовал «принять для рассмотрения 19 главных черт» [Васильев, 1867, с. VIII—IX]. При этом следовало мысленно вписать иероглиф в четырехугольную рамку и исходным пунктом его анализа считать черту, расположенную в нижнем правом углу. Второй словарь по графической системе был составлен в 1891 г. Д.А. Пешуровым, работавшим в Санкт-Петербургском университете под руководством В.П. Васильева [Пешуров, 1891].

То, что В.П. Васильев и Д.А. Пешуров представили дескриптивно, петербургский востоковед О.О. Розенберг формализовал в виде комбинаторной схемы, выделив в китайских письменных знаках 24 основные черты. В 1916 г., находясь в командировке в Японии, он опубликовал в Токио на английском и японском языках исследование, посвященное классификации иероглифов на основе анализа графем [Rosenberg, 1916]. В 1918 г. в Петрограде в двух журналах вышла его статья «Опыт кодификации идеографического элемента японского языка» [Розенберг, 1918; Розенберг, 1918 а; Петров, 1982, с. 479].

Но помимо того, что он логически завершил начатое В.П. Васильевым, О.О. Розенберг создал собственную цифровую кодировку китайских письмен-

ных знаков. Сохранив верность графическому принципу и анализу иероглифа как условного четырехугольника, он предложил рассматривать его как совокупность черт в каждом углу по схеме «верхний левый — верхний правый — нижний левый — нижний правый» и в зависимости от конфигурации штрихов кодировать углы цифрами в диапазоне от 1 до 9 и 0 — так называемый «метод четырех углов».

Идею О.О. Розенберга приспособил для китайских пользователей Ван Юньу (王雲五 Wong Yeun-wu, 1888—1979), который, не изменяя сам принцип, внес корректировку в цифровую нумерацию углов. Его книга, положившая начало распространению метода четырех углов в Китае, называлась «Система китайской лексикографии Вана. Система нумерации четырех углов при расположении китайских иероглифов» [Wong, 1926]. А так как в то время он был главным редактором и фактическим руководителем до сих пор существующего шанхайского издательства Шаньу иньшугуань (商務印書館), то он выступил инициатором создания нового китайского толкового «Большого словаря Ван Юньу», в котором ввел свой (в действительности предложенный О.О. Розенбергом) порядок словарного поиска иероглифов по четырем углам. Словарь был издан в 1930 г. На его титульном листе помещен стишок известного философа и общественного деятеля Ху Ши (胡適, 1891—1962) как мнемоническое пособие для запоминания перенятой от О.О. Розенберга нумерации штрихов [Wong, 1930, t.p.].

Интерес Вана Юньу к русской китаистке, возможно, проистекал из его личного знакомства с ее представителями. В частности, достоверно известно, что у него были личные контакты с П.П. Шмидтом (1869—1938) — в присланную Шмидту в Ригу книгу «Система китайской лексикографии Вана», изданную в 1926 г., автор вложил свою визитную карточку. В китайском культурном пространстве именно Ван Юньу считается изобретателем метода кодирования иероглифов по четырем углам.

Графические китайско-русские словари стали визитной карточкой российского китаеведения. Англоязычные читатели познакомились с графической системой после выхода в свет китайско-русско-английского словаря под редакцией Б.Г. Мудрова [Мудров, 1995].

В первые годы советской власти вопрос о создании иероглифических словарей был поднят на государственный уровень, о чем свидетельствуют сохранившиеся протоколы 1-го и 2-го заседаний Комиссии по составлению идеографического китайско-японско-русско-английского словаря от 1919 г. [Скачков, 1960, с. 490]. Однако в то время дальше обсуждения дело не пошло. Словарь Д.А. Пещурова долгие годы оставался единственным портативным китайско-русским словарем [Скачков, 1977, с. 226]. Словари, появившиеся в 1920—1930-х гг. в Харбине [Скачков, 1960, с. 489], в СССР широко не использовались.

Словарь под редакцией В.С. Колоколова был издан литографическим способом в 1927 г. [Колоколов, 1927]. В 1935 г. в типографии отпечатан составленный им второй словарь. Подготовкой этого издания занималось необычайно много редакторов и корректоров [Колоколов, 1935, с. 4], возможно, потому что автор никогда не учился в русской школе. Причину создания словаря В.С. Колоколов мотивировал «полным отсутствием китайско-русских словарей для нужд наших

учебных заведений» [Колоколов, 1935, с. 5]. В этих условиях отбор лексики представлял особую сложность. Автор сетовал на то, что ограниченный объем не позволил «в достаточной мере наполнить словарь современной политико-экономической терминологией» [Там же], но сейчас бросается в глаза избыточность отражения гоминьдановских реалий, что, впрочем, объяснимо задачами подготовки практических переводчиков в институтах, где преподавал автор. Своеобразно решен вопрос с транскрипцией. Несмотря на то, что рядом с гнездовыми иероглифами в скобках кириллицей приводится транскрипция о. Палладия (П.И. Кафарова) и латиницей транскрипция Уэйда-Джайлза (Wade-Giles), основная запись звучания китайских слов произведена с помощью русского транслита китайского алфавита чжуинь цзыму (официально утвержден в Китае в 1918 г.).

Тем самым в словаре В.С. Колоколова отразился определенный этап в развитии советского китаеведения, когда параллельно латинизации китайской письменности в СССР, которая сначала сводилась к передаче латинскими буквами несколько преобразованного алфавита чжуинь цзыму, разрабатывалась по тем же правилам новая транскрипция на кириллице. Предполагаем, что В.С. Колоколова, учившегося в школе вместе с китайскими детьми и готовившегося к сдаче экзаменов на степень сюэца [Никифоров, 1970, с. 79—80], не могла не беспокоить традиционная русская транскрипция Палладия как не только не отражающая подлинного звучания китайских слов, но и ориентирующая при обучении на твердое русское произношение. Поиски В.С. Колоколова понятны любому китаеведу, однако цель — добиться буквального следования за чжуинь цзыму — изначально была утопической. Нарушив старые правила, автор словаря был вынужден ломать русский язык, что привело даже к созданию новой буквы «**ю**». Привычное эр стало обозначаться «аыр», цзе — «дье», сэ — «сыэ», цзи — «ды», цзюй — «ды^ю». Несмотря на экзотичный вид, эта транскрипция использовалась в СССР еще в середине 1950-х гг., например, она частично воспроизведена в «Учебнике китайского языка», изданном в 1954 г. и утвержденном в качестве учебного пособия для высших учебных заведений [Исаенко, Коротков, Советов-Чень, 1954]. За сто лет до В.С. Колоколова сломать устоявшуюся русскую транскрипцию уже пытался о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), предложивший писать «кхай» вместо кай, «кхынъ» вместо кэнь, «ги» вместо цзи, «кин» вместо цин, «хюань» вместо сюань. В то время активным противником изменений в русской записи китайских слов выступил З.Ф. Леонтьевский [Скачков, 1977, с. 127].

Иероглифы в словаре В.С. Колоколова располагались по графической системе: «Желание облегчить пользование словарем побудило составителя принять графическую систему расположения иероглифов, ранее предложенную О. Розенбергом» [Колоколов, 1935, с. 5]. Используя комбинаторную схему О.О. Розенберга, В.С. Колоколов создал таблицу «Указатель к отысканию иероглифов в словаре», которую разместил на открывающей том переплетной крышке и форзаце, а также закрывающей том переплетной крышке и нахзаце. «Для более точного определения местоположения иероглифа в словаре» автор словаря выделил разновидности каждой из 24 черт, всего получив 60 начертаний [Колоколов, 1935, с. 683]. С тех пор таблица стала неотъемлемой частью всех китайско-русских графических словарей.

В 1936 г. был опубликован графический словарик Н.И. Лянь-Куня под редакцией В.С. Колоколова [Скачков, 1960, с. 489—490]. Он был ориентирован на китайцев, оказавшихся в России, и его влияние на процесс развития китайско-русских словарей было ограниченным.

После окончания Великой Отечественной войны и победы над милитаристской Японией, когда усилилось противостояние политических сил в Китае, советское руководство резко нарастило количество китаистов. Создание новых словарей стало особенно актуальным. В 1946 г. фотоофсетным способом был переиздан «Краткий китайско-русский словарь» 1935 г. В.С. Колоколова. События в СССР и Китае развивались стремительно и словарь не успевал за изменениями ситуации, но, видимо, других вариантов обеспечения словарями специалистов по Китаю, быстро растущих в числе, в то время не было.

В 1952, 1955 и 1956 гг. увидели свет три издания капитального «Китайско-русского словаря» под редакцией проф. И.М. Ошанина.

После трех выпусков «ошанинского» словаря наступил двадцатилетний период, когда словарный дефицит восполнялся малыми словарями, три из которых имели графическую систему поиска и два — фонетическую. Следуя обозначенному выше формату нашей статьи, остановимся на графических словарях.

В 1956 г. вышел «Краткий китайско-русский словарь» Г.М. Григорьева под редакцией И.М. Ошанина. В 1963 г. Г.М. Григорьев выпустил его переизданную и дополненную версию. В словаре 1956 г. использовалась таблица В.С. Колоколова, но также ключевой указатель «в помощь китайцам» [Григорьев, 1956, с. 3]. В систему кодировки иероглифов по правому нижнему углу было внесено изменение — число основных черт с 24 было сокращено до 22. Автор словаря по этому поводу высказался лаконично: «За исключением третьей и девятой черты остальные 22 составляют соответствующие разделы краткого словаря» [Григорьев, 1956, с. 7]. Число вариантов основных черт было уменьшено с 60 у В.С. Колоколова до 58. Идея Г.М. Григорьева о 22 основных чертах или, в терминологии В.С. Колоколова, «штрихах» иероглифов была замечена специалистами и в дальнейшем ограничено использовалась в других словарях. Издание 1963 г. было дополнено фонетическим указателем, позволявшим осуществлять поиск слов также по латинизированной транскрипции. Откликаясь на появление в Китае сокращенных иероглифов, Г.М. Григорьев уже утвержденные упрощения ввел в словарные гнезда как основной вариант. Он привлек также употреблявшиеся, но «еще не получившие официального утверждения» графемы [Григорьев, 1963, с. 3], из-за чего в словаре оказались зафиксированы как бы «потерявшиеся во времени» знаки, процесс сокращения которых еще не был завершен.

В 1975 г. появился «Карманный китайско-русский словарь» Н.С. Араушкина и Б.Я. Надточенко, в котором иероглифы даны исключительно в современном начертании [Араушкин, Надточенко, 1975, с. 7]. Они опирались на таблицу В.С. Колоколова, но внесли в нее существенные изменения. К сожалению, авторы не проанализировали свои новшества, настаивая на том, что придерживаются сложившихся традиций [Там же].

К 1980 г. подоспел еще один словарь, о котором следует сказать особо. Его создателями были З.И. Баранова, В.А. Жаворонков, В.Е. Гладцков, Б.Г. Мудров,

издан он был под редакцией Б.Г. Мудрова [Мудров, 1980]. Это объемный словарь, включавших в себя около 60 000 слов и словосочетаний и продолжавший расти в объеме в последующие годы. Он выдержал много переизданий. Его появление знаменовало собой полную победу сокращенных иероглифов не только в КНР, но и в российском китаеведческом сообществе. В нем использовалась графическая система поиска, но переписанная под сокращенные знаки. Составили ли словарь конкуренцию явно запаздывавшему со своим выходом в свет БКРС, сказать трудно. Несомненно то, что появление словаря на основе упрощенных иероглифов было ожидаемым событием.

Сейчас два «Больших китайско-русских словаря» (после значительного увеличения объема словарь Б.Г. Мудрова тоже стал называться «Большим») существуют как бы в параллельных мирах. «Мудровский» служит для преподавателей и студентов, для подготовки переводчиков с китайского разговорного языка, для всех, кто погружен в практическую работу по поддержанию связей с КНР. Это очень хороший двуязычный словарь. БКРС нельзя назвать языковым словарем в полном смысле слова — это словарь цивилизационный.

II Большой китайско-русский словарь

1. Изменчивые условия работы

Проф. И.М. Ошанин вспоминал, что составление БКРС началось в 1956 г. [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. В 1950-е гг. советско-китайские отношения переживали подъем, поэтому как среди ученых, так и среди руководства мысль о создании капитального китайско-русского словаря находила поддержку. Но, думается, что начавшийся в те же годы беспокойный период разделения, слияния и реформирования востоковедных исследовательских центров для самого проекта был сопряжен со значительными сложностями. Постановлением Президиума АН СССР 1 июля 1950 г. Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву. И.М. Ошанин стал сотрудником заново созданного сектора Китая. Постановлением Президиума АН СССР от 13 февраля 1953 г. структура Института востоковедения была изменена — все подразделения были объединены в три отдела по регионам Востока [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 143]. Китаеведов перевели в Отдел Дальнего Востока. Постановлением Президиума АН СССР от 12 августа 1955 г. была проведена еще одна реструктуризация института, в результате чего образовался сектор языка и литературы народов Китая, заведующим которого назначили И.М. Ошанина [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 144]. Через год, 26 октября 1956 г. на базе китаеведческих секторов Института востоковедения Академии наук был создан Институт китаеведения, в который вошел и названный сектор [Сухарчук, 1958, с. 201].

По прошествии всего четырех лет после организации Института китаеведения АН СССР, в 1960 г., произошло его слияние с Институтом востоковедения, а также были созданы два новых академических научных центра — Институт народов Азии (на базе Института востоковедения) и Институт экономики мировой социалистической системы. Институт китаеведения стал Отделом Китая Инсти-

туда народов Азии РАН. В 1970 г. последний вновь переименовали в Институт востоковедения. Так И.М. Ошанин оказался сначала в секторе Китая Института востоковедения (1950), затем в Отделе Дальнего Востока того же института (1953 г.), потом — в секторе языка и литературы народов Китая Института китайского языка (1956 г.) и в конце концов — в Отделе Китая Института народов Азии (впоследствии Института востоковедения) с отдельным статусом руководителя словарной группы. Как вспоминал многолетний руководитель отдела Китая Л.П. Делюсин, «словарь, который в это время создавался под его (Ошанина — Е.С.) руководством, входил словарной группой в наш Отдел» [Делюсин, 2009, с. 30].

Такая калейдоскопическая смена названий и адресов не могла не замедлить деятельность большого коллектива и неизбежно приводила к текучести кадров. В этой ситуации в полной мере проявился необыкновенный талант проф. И.М. Ошанина не только как знатока китайского языка, но и как организатора и руководителя. На работе словарной группы не могло не сказаться и то, что в 1960 — начале 1980-х гг. были прерваны научные связи с Китаем. Надо отдать должное И.М. Ошанину за то, что в самых отчаянных ситуациях (а таких было немало) он настойчиво шел к цели. И его уход из жизни до опубликования двух первых томов не мог воспрепятствовать завершению проекта.

Последнее испытание выпало на долю словаря, когда он уже был полностью подготовлен к изданию. Выяснилось, что его невозможно было напечатать. Вот как это описывал сам И.М. Ошанин: «Когда отсутствие в типографиях нужного комплекта иероглифических шрифтов поставило под сомнение саму возможность издания БКРС, то из этого, казалось безвыходного, положения вывел нас оригинальное решение, предложенное и осуществленное кандидатом технических наук Б.В. Борисовым: применить метод оригинал-макета, а иероглифы в его буквенный текст монтировать с переводных литер» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 9]. В Великобритании было заказано на имевшемся там оборудовании нанесение иероглифов на прозрачный материал. Буквенный текст отдельно был набран в Москве и напечатан в Можайске. А к создателям Большого словаря добавились те, кто выполнял «монтаж иероглифов» — они вмонтировали китайские графемы в русский текст.

2. Люди и время

Имена создателей БКРС перечислены на первых страницах всех четырех томов. Каждый заслужил отдельного очерка, но для одной статьи это неподъемная задача, поэтому ограничимся лишь бессистемными, а иногда и субъективными рассказами о некоторых из них. Сначала характерная зарисовка о начале профессионального пути И.М. Ошанина, относящаяся приблизительно к 1921 г.: «В числе первых учеников Колоколова был один из ведущих современных китайских филологов И.М. Ошанин, в то время “красноармеец-связист”, “обмундированный” по тыловому — в папахе, в костюме, сшитом из занавесок, в веревочных лаптях разного размера и цвета» [Никифоров, 1970, с. 80]. Так начинался путь профессора И.М. Ошанина к славе. Но если серьезно, то словарь сплотил вокруг себя специалистов по лингвистике, литературе, истории, философии, религии, экономике, политике, математике, искусству, кабинетных ученых и бывших со-

трудников Коминтерна, напрямую участвовавших в выборе пути в отношении с Китаем, военных, дипломатов и даже разведчиков.

К последним относится автор упомянутых выше кратких словарей Г.М. Григорьев-Абрамсон. С 1966 г. он работал в Институте востоковедения в качестве второго редактора БКРС. Его полная резких поворотов биография заслуживает внимания. Г.М. Абрамсон с пятилетнего возраста жил в Харбине, где и закончил гимназию. Вскоре после его переезда во Владивосток, в 1920 г., город был оккупирован японцами. Он перешел на нелегальное положение под фамилией Григорьев. Почти 30 лет он прослужил в Красной армии и в советской разведке в Китае и США. Китаеведное образование получил на Восточном факультете Военной академии им. Фрунзе. Был на фронте, потом преподавал на кафедре китайского языка Военного института иностранных языков [Усов, 2002, с. 373—374].

Перед моим мысленным взором тихо сидит за столом в отделе Китая Института востоковедения оторвавший глаза от рукописи в приветственной улыбке В.С. Кузес. И только теперь приходит осознание того, что он сыграл большую роль в создании БКРС, а до этого оформлял приложения для первого и второго словарей (1952 г. и 1955 г.) под редакцией И.М. Ошанина. Л.П. Делюсин вспоминал: «Кузес после окончания работы со словарем, по моему предложению, взялся за тему компрадорской буржуазии (к сожалению, закончив работу, так и не решился сдать ее в печать)» [Делюсин, 2009, с. 30]. Слова о том, что законченное исследование «не решился сдать в печать», являются лучшей характеристикой Владимира Сергеевича и его отношения к делу. О своем многолетнем коллеге написала с большой теплотой относившаяся к нему Н.И. Фомина: «По окончании средней школы в 1941 г. В.С. Кузес поступил слушателем в Военный институт иностранных языков. Но занятия были прерваны в связи с Великой Отечественной войной... С 9 августа 1945 г. по 3 сентября 1945 г. В.С. Кузес участвовал в освобождении Маньчжурии... В 1946 г. Владимир Сергеевич вновь оказывается среди слушателей Военного института иностранных языков... С 1952 г. он — младший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР» [Фомина, 2009, с. 218].

Одним из авторов словаря была также доктор исторических наук С.А. Серова, которая получила распределение в словарную группу И.М. Ошанина сразу после окончания института в 1957 г. Проработав в ней три года, она выбрала для себя иной путь, став знаменитым ученым в области китайского традиционного театра. В ее интервью несколько слов посвящено работе в словаре [Серова, 2019, с. 9].

Кстати, есть у С.А. Серовой и упоминание о контрольном редакторе БКРС И.И. Советове-Чэне (Чэнь Чанхао), о котором она отзывется с большим уважением. Он в Московском институте востоковедения в 1930-е гг. обучал китайскому языку ее отца, а в 1950-е стал ее преподавателем [Серова, 2019, с. 5]. Помимо преподавания, он был востребован как переводчик текстов КПК.

В воспоминаниях С.А. Серовой воссоздан портрет еще одного автора и контрольного редактора словаря — Чжоу Сунюаня [Серова, 2019, с. 12]. Его назначили аспирантке второго курса преподавателем китайского языка (аспиранты

последующих лет о таком даже мечтать не могли!). Она пишет: «Оказалось, что он еще был любителем и знатоком театра. Вот тут и началась моя настоящая жизнь в аспирантуре!» [Там же].

Есть люди, которые умеют стусевываться. Таким человеком в Отделе Китая был Ду Исин, выполнявший обязанности консультанта БКРС. Его присутствие не было заметным, но он нужен был всем. Ду Исин приехал на заработки в Россию из пров. Шаньдун и не смог вернуться назад из-за революции и гражданской войны. Когда он учился в московской Военной артиллерийской академии, его объявили китайским шпионом. После реабилитации он много лет работал консультантом в Отделе Китая [Делюсин, 2009, с. 30]. Так совпало, что Ду Исин в конце 1970-х гг. жил в Москве, в Медведкове, по соседству с автором этой статьи. Как гостеприимный хозяин несколько раз приглашал меня на китайские грибы «муэр», показывал книги китайских поэтов в переводах Л.З. Эйдлина с посвящениями от переводчика и с благодарностью за совместную работу. Глубокое знание китайской культуры, проникновение в поэтику китайского классического стиха было удивительным для человека, оказавшегося в России в юности и никогда с тех пор не видевшим родины.

Цзен Сюфу — автор и контрольный редактор БКРС, был в прошлом работником Коминтерна. В 1939—1940-е гг. он визировал подлинность внутренних документов ИККИ на китайском языке, как оригинальных, так и переведенных. Он был одним из переводчиков четырехтомника Мао Цзэдуна. Уроженец пров. Цзянси, выходец из крестьянской семьи Цзен Сюфу в 1938 г. окончил Московский институт востоковедения. В 1943—1945 гг. он служил в Советской Армии. В 1957 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Профессор М.В. Крюков после окончания университета на короткий срок также оказался в группе И.М. Ошанина и внес свой вклад в работу над 2-м томом словаря. Он рассказал о своих первых впечатлениях от словарного дела: «Тогда уже начиналась эта работа, и Ошанин набирал себе молодых китаеведов, которые помогали бы ему в составлении этого словаря... Я пришел. Илья Михайлович осмотрел меня критически, он был очень строгий и требовательный. Он набрал себе несколько молодых ... и дал нам задание. Тогда была уже заготовка, ведь этот словарь начал составлять академик Алексеев. Составлялись карточки на отдельные словарные статьи, а мы должны были проверять и уточнять эти карточки. Потом давали их на просмотр Ошанину. И вот тут он почти каждый день устраивал нам “головомойку”» [Крюков, 2016, с. 21].

Над созданием словаря трудились много замечательных языковедов. Так, доктор филологических наук А.Л. Семенас, будучи авторитетным ученым в области различных аспектов лексикографии, лексикологии и семантики китайского языка, участвовала в создании 2-го, 3-го и 4-го томов.

Жизнь А.И. Мелналксниса, как и многих его сверстников, мало походила на жизнь академического ученого. В 1930 г. он окончил Ленинградский восточный институт, еще студентом имел возможность стажироваться в Пекинском университете. Был арестован, трудился на московских заводах. В 1942—1943 гг. воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Только в 1957 г. он устроился науч-

ным сотрудником в Институт китаеведения, а затем работал в Институте востоковедения, где главным его делом стал БКРС. С 1962 г. он был заместителем главного редактора словаря [Ошанин, 1983, т. 1, с. 9].

III Словарь Ошанина как лексикографическое явление

БКРС занимает особое место среди двуязычных китайско-русских словарей. Возможно даже, что среди двуязычных словарей он вообще не имеет аналогов. Как лингвистический словарь он вобрал в себя различные аспекты китайского языка, сведения о которых обычно выносятся в отдельные словари — грамматические, толковые, фразеологические, диалектные, исторические, этимологические. Вместе с тем он расширил рамки лингвистического словаря до энциклопедического, став энциклопедией культуры, общественных отношений, духовного облика Китая и даже местного колорита.

Современный китайский филолог Чэнь Юйцюн оценивает его критически, отмечая встречающиеся в переводах с китайского ошибки, но главное — что вполне естественно для ученого КНР в XXI в. — устаревшую лексику и полное написание иероглифов. По его мнению, в словаре «архаичные слова, особенно слова старого литературного языка “вэньянь”, собраны чрезмерно, например, 仁恕掾 ‘ист. Чин гуманности и кротости (об инспекторе тюрем; дин. Хань)’, 仁獸 ‘миф. единорог’, 仁寿节 ‘стар. Праздник гуманности и долголетия (2/XII по лунному календарю)’, 仁尊 ‘будд. Человеколюбивый, за человеколюбие почитаемый (один из титулов Будды)’» [Чэнь, 2023, с. 70]. С его точки зрения, это выглядит чем-то вроде курьеза. Китайский исследователь противопоставляет «ошанинскому» изданию словарь под редакцией Б.Г. Мудрова [Мудров, 1980] в качестве положительного образца. Ему пришлось по душе то, что словарь 1980 г. «включает в себя совсем немного устаревших слов» [Чэнь, 2023, с. 71]. Приводя целый список словосочетаний из БКРС, начинающихся с иероглифа и — («один»), он одобряет Б.Г. Мудрова за то, что тот не включил их в свой словарь. Нельзя не признать справедливым суждение Чэнь Юйцюна о том, что «в словаре под редакцией Б.Г. Мудрова пересмотрена техническая терминология и удалены неточные технические термины, включенные в словарь под редакцией И.М. Ошанина» [Там же]. В данном случае критика в адрес БКРС обоснована, но, представляется, что ее можно было бы переадресовать Б.Г. Мудрову как одному из авторов БКРС.

Чэнь Юйцюну импонирует также то, что китайские фразеологизмы в словаре Б.Г. Мудрова нередко переводятся с помощью русских фразеологизмов. В качестве образца он выбрал два фразеологизма на китайском: 穷乡僻壤 и 有备无患 и их русские соответствия (?) — «захолустье, медвежий угол» и «готовь сани летом, а телегу зимой».

Согласно теории фразеологизмов, их значение не сводимо к значению слов-компонентов, но представляет собой как бы единое, обобщенное значение. Поэтому поиск эквивалентных фразеологизмов в чужом языке теоретически возможен, но это довольно спорный подход, который нивелирует культурные и бы-

товые особенности народов, выраженные в языке. В БКРС первый фразеологизм переведен дословно как «бедная деревня, отдаленная земля» с пояснением «захолустье». Второй китайский фразеологизм в БКРС переведен почти дословно как «будешь подготовлен — избежишь беды», там же в скобках отмечено его дополнительное значение — «заранее остережся, подготовиться к возможным неприятностям» [Ошанин, 1984, т. 2, с. 176], что не пересекается с русским фразеологическим оборотом. То, что китайскому ученому кажется удачным решением, в действительности представляет собой довольно опасный путь подмены понятий под видом перевода. Вообразим себе, что китайский политик использовал второй фразеологизм в речи, посвященной международным вызовам, имея в виду, что надо готовиться к возможным неприятностям. Сомнительно, что смысл его речи получит адекватное отражение при появлении в русском тексте фразы «готовим сани летом, а телегу зимой».

Впрочем, свою позицию по поводу того, как переводить фразеологизмы, исчерпывающе сформулировал профессор И.М. Ошанин в предисловии к БКРС: «Переводы идиоматических выражений даны по возможности в дословном (и грамматическом) соответствии с оригиналом, дабы сохранить их колорит и не сузить значение» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 15].

Критериями оценки двух словарей для Чэнь Юйцюна являются современность, функциональность, практицизм, стандартность, простота. В лексикографии подобные словари относятся к разряду пособий для обучения чтению и пониманию современных текстов. Однако БКРС — словарь другого типа, перед которым ставилась задача выразить через словарные единицы мощь китайской цивилизации, он должен был стать средством для научной работы. Для такого словаря оправданны полные иероглифы в качестве основных и сокращенные как подспорье в работе. Конечно, нельзя не считаться с кардинальными изменениями, произошедшими в КНР после реформы письменности, ведь уже несколько поколений пользуются там только упрощенными знаками. Но для китайцев, как и для китайских историков и филологов, читающих произведения, созданные до середины XX в., полные иероглифы не теряют своей актуальности сейчас и не утратят ее в будущем. Даже при том, что в КНР используются все технологические возможности для перевода текстов, создававшихся на протяжении тысячелетий, на упрощенные иероглифы, любой профессионал скажет, что полностью полагаться на осовремененные тексты, нельзя, потому что в результате реформы некоторые иероглифы были упразднены, а некоторые оказались объединенными в одну новую графему. Критикуя БКРС за приверженность полным иероглифам, Чэнь Юйцюн упускает из виду то, что в самом Китае продолжает существовать сегмент печатной продукции, где используются полные начертания иероглифов.

По поводу содержания словарных статей БКРС надо признать, что они неравноценны как в смысле объема, так и в плане глубины проработки. Но достаточно много статей содержат в себе такой информационный объем, который способен ответить на вопросы самого взыскательного исследователя. Например, мастерски раскрыты смыслы иероглифа 不 (бу). Казалось бы, отрицание и есть отрицание во всех его проявлениях. Но автору данной статьи известен по край-

ней мере один сунский текст, в котором этот знак не предполагает отрицание. Помог БКРС, разъяснивший, что «в книжном языке различных эпох встречается не “без значения” в начале или в середине предложения» [Ошанин, 1984, т. 4, с. 584].

Абсолютно оправданно стремление составителей словаря не ограничиваться верхним слоем языка, лежащим на поверхности восприятия современным человеком, но, опираясь на письменные источники, идти как можно глубже по исторической лестнице, используя вэньянь, который в глазах современного китайского ученого представляет собой всего-навсего «архаичные слова». Лексический состав любого языка неоднороден — есть активные и пассивные языковые формы, к тому же в них постоянно происходит смещение языковых приоритетов и возникают новые формы, поэтому понятие современного китайского языка тоже является весьма относительным. Учитывая то, что политические лидеры КПК и КНР используют в своих выступлениях много вэньянизмов, причем с каждым годом расширяя их набор, попытка спрятаться в «медвежий угол» словаря только современных слов представляется наивной.

Есть у БКРС еще одно свойство, радость встречи с которым, к сожалению, способны оценить лишь люди, улавливающие тонкости русского языка. Вернемся еще раз к примерам, которые приводил Чэнь Юйцун, на сей раз с позиции русского пользователя словаря: «仁恕掾, ист. — ‘чин гуманности и кротости (об инспекторе тюрем; дин. Хань)’». Здесь сильное впечатление производит стилистическая выверенность и даже юмор при абсолютной точности перевода. «仁尊, будд. — ‘человеколюбивый, за человеколюбие почитаемый (один из титулов Будды)’». В данном случае словарь не только помогает определиться со смыслом лексической единицы, но и с исключительным тактом возвращает к старой русской лексеме «почитаемый». Присутствующая в этих переводах чуть покрытая патиной, изысканная лексика («чин», «кротость», «почитаемый») выполняет как бы двоякую функцию — воздает дань уважения великой китайской культуре и одновременно служит напоминанием читателю о безграничных возможностях русского языка.

IV Подведение итогов

БКРС — результат столетнего развития графических китайско-русских словарей. Не будет преувеличением утверждать, что он стал вершиной китаеведения в России. Он не имеет аналогов в мире. Повезло тем китаистам, которые знают русский язык, благодаря чему могут глубоко погрузиться в значения, образы китайских слов, и вместе с тем следовать за выраженной по-русски мыслью ученых, содержащей в себе точные и изящные формулировки.

Затянувшееся создание словаря тормозило всестороннее развитие советского китаеведения, однако, пройдя такой длительный путь, объединив вокруг себя сотни лучших специалистов, он поднял на недостижимую высоту планку двуязычного словаря вообще и китайско-русского в частности, но не только: словарь ознаменовал собой появление новой формы двуязычного лексикона, кото-

рую можно порекомендовать современным лексикографам в качестве объекта для изучения.

Само собой разумеется, что есть в словаре и ошибки, но относительно его объема их количество настолько мало, что стремится к нулю. В таблице поиска не всегда верно указаны отсылающие к иероглифам страницы. Некоторые опечатки были выявлены самими составителями и их список вклеен в конце 4-го тома.

Не будет преувеличением сказать, что БКРС открыл новую страницу в китаеведении. Но он же и подвел итоги нескольким тысячелетиям бытования китайского языка и китайской цивилизации, начиная с эпохи Шан-Инь и вплоть до середины XX в. В XXI в. произошла смена технологического уклада, а вместе с этим и обновление языков. В стороне от этого общемирового процесса не остались ни китайский, ни русский языки. Благодаря введению китайского алфавита на основе латиницы и компьютерному набору отпало много проблем с составлением новых китайских словарей. Да, БКРС отстал от времени, поэтому бессмысленно искать в нем слово «компьютер», потому что обозначающая его словарная единица 電腦 (diàn nǎo) калькирована с китайского языка как «электронный мозг» [Ошанин, т. 4, с. 403]. Но ведь на это можно посмотреть и с другой стороны. Околесица, которую выдают электронные переводчики, если завести в них фразу, например, из китайских классических буддийских сочинений, свидетельствует: хотя время, вместившееся в словарь, конечно же, прошло, но время самого словаря не закончилось.

Post scriptum: Феномен словарей И.М. Ошанина и ленинградцы

Без осмысления развертывания процесса создания словаря в пространстве и времени невозможно объяснить все его великолепие.

Начнем с середины процесса — с толстенных «кирпичей» «ошанинских словарей» 1950-х гг. На протяжении многих лет они верой и правдой служили ученым-китаеведам и студентам. В 1952 г. увидел свет первый «Китайско-русский словарь» на 65 000 слов и выражений под редакцией и с предисловием профессора И.М. Ошанина [Ошанин, 1952]. Отдельным изданием к нему в следующем году выпустили «Ключевой указатель к китайско-русскому словарю под редакцией профессора И.М. Ошанина» [Ошанин, 1953]. Второе издание словаря на 70 000 слов и выражений с дополнениями и исправлениями, с предисловием и под редакцией профессора И.М. Ошанина было осуществлено в 1955 г. [Ошанин, 1955]. В том же году, вслед за вторым изданием были выпущены отдельной книгой «Приложения и указатели к китайско-русскому словарю» за авторством В.С. Кузеса и И.М. Ошанина, под редакцией профессора И.М. Ошанина [Кузес, Ошанин, 1955]. В 1959 г. второе издание без изменений основного текста было напечатано еще раз, но на сей раз вместе с приложениями и указателями, а также с предисловиями ко второму и первому изданиям под редакцией профессора И.М. Ошанина [Ошанин, 1959]. За эту работу он был отмечен премией Президиума Академии наук СССР. Только на «Приложениях и указателях к китай-

ско-русскому словарю» появляется имя В.С. Кузеса. На словарях 1952, 1955 и 1959 гг. нет ни одного имени, кроме имени И.М. Ошанина.

Несомненно, словари и дополнения к ним были абсолютно необходимы китаеведческому сообществу тех лет. Удивляет другое — чудесное явление словаря в 900, а потом в 1000 страниц без обычно предваряющих такого рода события подготовки и обсуждения. Это было что-то вроде *deus ex machina*. В предисловии к первому изданию, включенном также во второе и третье издания, И.М. Ошанин объяснил, что легло в основу словаря: «Новейшую лексику в словаре составители смогли обеспечить распиской шеститомника произведений товарища Мао Цзэдуна, современной периодикой изданных в Китае словарей новых слов. В остальном использованы лексикографические работы: рукопись большого китайско-русского словаря, составлявшегося под руководством академика В.М. Алексеева, двуязычные словари проф. В.С. Колоколова (Краткий китайско-русский словарь, Москва, 1935), Rüdénberg'a (Chinesisch-deutsches Wörterbuch, Berlin, 1924), Tsang'a (A Complete Chinese-English Dictionary, Шанхай, 1938), 竹田 (Такэда 支那語新辭典, Токио, 1940) и особенно толковые одноязычные словари: 辭海 (Шанхай, 1938), 辭源合訂本 (Шанхай, 1939), 白話學生詞典 (Шанхай, 1924) и др. Весь материал сверен с восьмитомным толковым словарем китайского языка 國語詞典 (1943)» [Ошанин, 1959, с. 6]. Ознакомившись с этим списком, нетрудно понять, что ни роспись терминологии Мао Цзэдуна, ни краткие словари В.С. Колоколова, ни тем более китайско-английский и китайско-немецкий словари не могли за короткий срок обеспечить лексическую базу китайско-русского словаря на 65 000 слов и выражений. Для обработки указанных И.М. Ошаниным китайских толковых словарей требовались годы и годы. Поэтому с неизбежностью встает вопрос об упомянутой «рукописи большого китайско-русского словаря, составлявшегося под руководством академика В.М. Алексеева». Размещение «рукописи» академика между «произведениями товарища Мао Цзэ-дуна» и «двуязычными словарями проф. В.С. Колоколова» и далее по списку посылало сигнал о чем-то незначительном. «Рукопись» на фоне остальных солидных, изданных в типографиях источников, изначально оказывалась в менее важной позиции. Рукопись требует доказательства своего статуса, чтобы подняться до уровня напечатанной книги, а конечная отсылка к восьми томам китайского толкового словаря ее полностью отменяла. Для профессионального лингвиста стилистика текста не бывает случайной.

Академик В.М. Алексеев, преподававший в вузах и работавший в Институте востоковедения в Ленинграде, долгие годы занимался подготовительной работой по теоретическому осмыслению и накоплению лексического и культурологического материала для создания совершенного китайско-русского словаря, под которыми подразумевал научность в ее разных аспектах и отсутствие случайных лексем. Деятельность его на этом направлении была очень разнообразной. На протяжении всей своей кипучей жизни китаевед В.М. Алексеев создавал персональную картотеку, куда заносил библиографические, фактологические сведения и фиксировал китайскую лексику — то, что он сам называл «оборудованием информационно-справочным», а официально — «Рабочей библиографией китаиста» [Алексеев, 1982, с. 125]. Его дочь М.В. Баньковская метко заметила:

«Натура Алексеева на редкость соответствовала идеям современных компьютеров: любой вопрос, любая тема были с помощью его картотеки обеспечены литературой предмета, всеми предыдущими его работами и записями, иллюстрациями из собственных коллекций» [Баньковская, 1991, с. 114—115]. Эта картотека легла в основу задуманного им большого академического словаря.

Работу над словарем выпускники Ленинградского восточного института и сотрудники Института востоковедения в Ленинграде под руководством и при активнейшем участии В.М. Алексеева вели уже в 1920-е гг. В.М. Алексеев не только сам подбирал китайскую лексику и руководил группой, но — что особенно важно — обеспечивал теоретическое обоснование словаря. Насколько глубоко он был погружен в теоретические аспекты, можно понять из его собственных слов: «В центре всего стоял для нас вопрос о большом китайско-русском словаре... Теоретические основы для этого дела находят себе отражение все в той же рабочей библиографии Китаиста, при том как в целом, так и в деталях, каковыми можно считать такие, например, отделы, как взаимоотношения одноязычного и двуязычного синологического словарей, эрудиция Китаиста и синологический словарь, новейшие достижения китайской лексикографии, научное использование рифмолога-конкорданса “Пэйвэнь”, принципы научной организации труда в приложении к обработке новых китайских синологических словарей и к их преподаванию, новые опыты китайских грамматических, графических, синологических словарей и т. д. словарей и их европейские имитации и т. д.» [Алексеев, 1982, с. 125].

Уже к 1929 г. работа над словарем приобрела грандиозные масштабы. Вот что писал В.М. Алексеев 22 февраля 1929 г.: «Большим и необходимым предприятием, имеющим... самостоятельную ценность, считаю расформирование биномов знаменитого словаря “Пэйвэнь юньфу”, где они расположены в биномы по второму члену, в биномы по первому слову. Одно это предприятие может в корне изменить все наше понимание китайского текста... На это исключительное по важности и абсолютно механическое по исполнению предприятие, считая **полученный словоуказатель в миллион карточек** (выделено нами. — *Е.С.*), я полагаю нужным ассигновать на это не менее 5 тыс. р. Ввиду имеющихся у нас сил и явной необходимости придать проектируемому китайско-русскому словарю полноту одновременно следует предпринять составление китайских диалектологических схем, имеющих потом войти интегрально в соответствующие рубрики словаря. Считая общее число картограмм в 200 тыс. и работу по их сведению в словосхемы (около 15 тыс.), полагаю нужным ассигновать на это около 3 тыс. руб.» [Алексеев, 1982, с. 204]. Обратим внимание на то, что в 1929 г. общее число занесенных в карточки слов и словосочетаний достигло 200 тыс., а количество уже полученных карточек-словоуказателей равнялось одному миллиону.

Захваченный идеей создания самого совершенного словаря для русского пользователя, В.М. Алексеев был готов к решению любой задачи. Что означал призыв переписать биномы из словаря «Императорского фонда рифм с яшмовыми текстами» (Пэй вэнь юнь фу 佩文韻府)? Это подразумевало переписывание состава самого большого в мире фонетического словаря так, чтобы его лексику можно было включить в китайско-русский словарь по первому, нерифмуемому-

ся, слову. В.М. Алексеева не останавливало даже то, что китайский словарь насчитывает более 12 тыс. страниц и содержит 550 тыс. слов и словосочетаний.

В отчете за 1931 г. В.М. Алексеев писал о том, что китайско-русский словарь **вчерне уже закончен**: «Основной работой состава [Китайского] кабинета, далеко превысившей имевшуюся в плане 1931 г., ввиду заявленного ее ударного характера и срочного выполнения, требовавшего особого напряжения сил многих членов нашего коллектива (Алексеева, Щуцкого, Васильева, Драгунова, Флуга), была работа по редактированию китайско-русского словаря, издаваемого ЛВИ, с 1 марта с.г. не прекращавшаяся даже во время летнего отдыха. Редакторы внесли в этот словарь, вчерне уже законченный, кроме наблюдения над переводчиками, весь свой научный и преподавательский опыт» [Алексеев, 1982, с. 207]. Словарь не был напечатан, впрочем, как почти все из того, что В.М. Алексеев сдавал в издательство.

Проникновенные слова В.М. Алексеева о составителях словаря дают ясное представление о проделанной ими работе. «Как составитель нашего китайско-русского словаря Леонид Николаевич, — писал он о Л.Н. Рудове, — был образцовым сотрудником, редким по аккуратности, полноте, точности, добросовестности, трогательной и полноценной. Читать его страницы и карточки было удовольствием. И его банковская специальность нам чрезвычайно пригодилась при составлении словаря, ибо он давал консультации там, где мы все были бы беспомощны. А коммерческий язык Китая в нашем современном словаре играет огромную роль» [Алексеев, 1982, с. 98]. Несмотря на то, что Л.Н. Рудов работал бухгалтером в Госбанке и словарем ему приходилось заниматься в свободное от службы время, он «в работе был неутомим, и, например, словарная его продукция всегда и решительно в несколько раз превосходила всех других» [Алексеев, 1982, с. 100].

Не менее удивительные черты разглядел В.М. Алексеев в К.К. Флуге. По отзывам академика, «как составитель китайско-русского словаря Константин Константинович был наилучшим из всей коллегии, вносившим в наше дело научность больше, чем прочие. Его страницы полны драгоценных наблюдений, тонких определений исследователя, превосходных переводов, безукоризненной, редчайшей добросовестности. Он и здесь не старался блеснуть своею изобретательностью лексикографа и переводчика, но по точности и прочности характеристик ему не было равного, и его части выделялись из всех других» [Алексеев, 1982, с. 102].

Словарь помог раскрыться исследовательскому таланту К.И. Разумовского. В.М. Алексеев писал: «Как знаток китайского языка Константин Иванович был представителем наиболее семантического охвата, глубины, диахронической ассоциации, строгой меры в выборе переводов, и потому как составитель китайско-русского словаря он вносил в свое дело большую находчивость и изобретательность, строгость, четкость, широту и глубину» [Алексеев, 1982, с. 105].

В объективности оценок В.М. Алексеева можно убедиться на примере характеристики, данной им Ю.В. Бунакову с точки зрения его полезности словарю: «В составление китайско-русского словаря внес большую кропотливую работу и инициативу, хотя карточки его были не из удачных. Он был главным образом техническим редактором» [Алексеев, 1982, с. 111].

Особый вклад профессионального экономиста внес в словарную лексику В.М. Штейн. Будучи уже профессором экономики, он самостоятельно изучил древнекитайский язык, стал специализироваться на «Гуань-цзы». Словарь терминов из этого произведения он дополнил терминологией «Мэн-цзы» и «Трактата о соли и железе», что, по оценке В.М. Алексеева, «есть большое приобретение, которое в своих наиболее точных частях вошло в Китайско-русский словарь АН СССР, где заместило много безответственных словарных шаблонов экономическими терминами, достойными этого названия» [Алексеев, 1982, с. 113].

То, что словарь не был опубликован в 1931 г., роковым образом сказалось на его дальнейшей судьбе. В 1930-е гг. усилились голоса критиков, упрекавших академика в устаревшей, немарксистской позиции. Молодому советскому государству, оказавшемуся глубоко погруженным в китайские события, нужны были специалисты по современному Китаю, и несмотря на открытость В.М. Алексеева всему новому, к нему относились с недоверием. Советский полпред в Китае Л.М. Карахан еще в 1926 г. в Пекине упрекнул его в том, что он «не читает тексты моложе тысячи лет» [Баньковская, 2003, с. 366]. Выступавший с критикой В.М. Алексеева советский историк Г.С. Кара-Мурза позволял себе «недопустимо резкий тон» [Никифоров, 1970, с. 331]. В 1938 г. разбор якобы враждебной советскому строю позиции академика был опубликован в газете «Правда» [Там же]. В.М. Алексеев не прекращал своей научной и преподавательской деятельности, но над ним самим и над его детищем — словарем — сгустились тучи. Двое его учеников, участвовавших в работе над словарем — Ю.К. Щуцкий и Б.А. Васильев, талант которых он особенно ценил и к которым в шутку обращался «фра» (братья по ордену) [Петров, 1982, с. 400], были репрессированы.

Трагические и героические события Великой Отечественной войны разделили время на до и после. Некоторые составители словаря не пережили блокаду или погибли на фронте. Институт востоковедения эвакуировали в Ташкент, после возвращения надо было заново налаживать работу. Кроме того, с момента объявления о том, что словарь «вчерне закончен», прошло 15 лет и ему уже требовалась доработка. О состоянии дел со словарем на 1947 г. В.М. Алексеев писал: «Советская китаистика за время войны потеряла ряд лучших китаистов... Блокада и эвакуация помешала нам в Институте востоковедения закончить составление китайско-русского словаря, который к тому же сейчас придется значительно дополнить, а среди погибших были основные работники словаря. И вышло так, что к самому острому моменту в создании новых кадров нашей науки, идущих к нам с победоносным окончанием войны и с новым подъемом в жизни страны, самое нужное пособие еще не совсем готово и работников мало» [Алексеев, 1982, с. 155]. Академия наук в 1946 г. направила из Москвы на помощь двух китаистов — Л.З. Эйдлина и И.М. Ошанина, назначенного заместителем главного редактора словаря. В.М. Алексеев в стенгазете Института востоковедения, приуроченной к 1 мая, дал высокую оценку их работе: «Славный праздник трудящихся застает нас за очередной, правда, работой над китайско-русским словарем, но с новыми в ней точками и полосами достижений. Прежде всего работают по-новому наши московские товарищи по сектору, и в первую очередь д-р филол. наук, проф. Илья Михайлович Ошанин, который все время развивает свою превосход-

ную деятельность, положив в основу ее исключительно твердый, точный, многообразный, крупный, долгодетный и талантливый синологический опыт. Защитив блестящую докторскую диссертацию и утвердив свои весьма далеко идущие концепции китайского слова, он в нашем словаре играет роль организатора основной идеологии этого самого слова. Далее, докторант Лев Залманович Эйдлин только что заполнил свою передовую картотеку серьезные лакуны, а своим сравнительным анализом нашего сложного научного предприятия помог нам разобраться в довоенном хаосе картотек, разнородных по личным стремлениям их авторов» [Алексеев, 1982, с. 215].

В 1946 г. была завершена работа над первым томом. Об этом сказано в рецензиях того же года на «Большой академический китайско-русский словарь. Т. 1 под редакцией академика В.М. Алексеева». Рецензии были опубликованы в следующем году Отделением литературы и языка АН СССР в сборнике «Рефератов и исследовательских работ за 1946 г.» [Скачков, 1960, с. 488].

В 1947 г. В.М. Алексеев в прошедшем корректуру, но не дошедшем до печати труде «Советская синология» объявляет об окончании работы над **словарем для учащихся**, но при этом выражает сожаление по поводу того, что создание научного двуязычного словаря пока не удалось претворить в жизнь: «Словарь этот после долгих дискуссий и работ **составлен** (выделено нами. — *Е.С.*), и, по нашему мнению, он отражает и историю Китая, и современность. Однако даже такой словарь, составленный нашим текстоспособным коллективом и удовлетворяющий первой надобности учащихся, не решает вопроса о настоящем синологическом словаре, отражающем современность научную» [Алексеев, 1982, с. 125].

В 1948 г. были подготовлены к печати два первых тома Большого словаря. Это подтверждается изданным в том же году «пробным макетом» на 84 страницах [Алексеев, 1948], из которых 41 страницу составляло введение «Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому». Замечательный ленинградский китаевед Виктор Васильевич Петров (1929—1987), блестящие лекции которого о китайской литературе XX в. наша группа историков Китая ЛГУ имела счастье слушать, отметил, что именно в «Тезисах» В.М. Алексеев изложил принципы составления словаря «в сводном и наиболее полном виде» [Петров, 1982 а, с. 403]. Комментируя состояние словаря на 1948 г., В.М. Алексеев свидетельствовал: «Макет словаря ..., пройдя через очередное горнило испытаний, выносится в ближайшее время на суждение всех китаистов нашей страны, в том числе и товарищей, работающих в Китае. Мы просим критики перед тем, как **сдать в печать тт. I и II китайско-русского словаря** (выделено нами. — *Е.С.*) ИВАН СССР» [Алексеев, 1948, с. 215].

Между тем востоковеды не остались в стороне от развернувшейся в СССР в 1947—1951 гг. новой политической кампании — в апреле 1949 г. на расширенном заседании Тихоокеанского института совместно с Московской группой Института востоковедения был обсужден вопрос о борьбе с «буржуазным космополитизмом» [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 129]. По свидетельству М.В. Баньковской, «в апреле 49-го, Алексеева накрыл ставший для него последним идеологический шквал, заставивший вспомнить год 38-й. Тут были прочно приклеены “комполитизм”, “идеализм” и вообще “буржуазный объективизм”. Обошлось

как будто малой кровью, но кровь была отравлена — начала быстро развиваться раковая болезнь» [Баньковская, 2003, с. 395].

А 1 июля 1950 г. вышло постановление Президиума АН СССР о переводе Института востоковедения в Москву, что означало перемещение центра работы над словарем вместе со всеми материалами. Академик В.М. Алексеев скончался 12 мая 1951 г. И.М. Ошанин заступил на должность главного лица, ответственного за словарь. Сложное было время, китаеведы оказывались втянутыми в политический водоворот, когда, помимо профессиональных знаний, требовалось умение улавливать дальние звуки надвигающейся грозы. Самому И.М. Ошанину, видимо, тоже было непросто — в контексте начавшейся в 1950 г. в языкознании борьбы с теориями Н.Я. Марра в адрес И.М. Ошанина зазвучали упреки в том, что некоторые концепции ставшего опальным ученого он переносил на анализ китайского языка [Исаенко, Коротков, Советов-Чень, 1954, с. 21].

Зафиксируем еще раз этапы доведения до готовности **двух** словарей при жизни В.М. Алексеева — «большого» и «для учащихся». Это 1931 г., когда, по свидетельству академика, «вчерне» «большой» словарь был готов. В 1946 г. была завершена работа над первым томом «Большого китайско-русского словаря». В 1947 г. был закончен словарь «для учащихся». В 1948 г. были подготовлены к печати два первых тома «Большого словаря». Гипотетически словари И.М. Ошанина 1952, 1955 и 1959 гг., первый из которых вышел спустя год после ухода из жизни В.М. Алексеева, могли быть тем самым «словарем для учащихся», о завершении работы над которым академик объявил в 1947 г. Однако эта гипотеза не может быть подтверждена, потому что сам И.М. Ошанин об этом не оставил сообщений. Еще раз отметим, что на всех трех словарях не значится ни одного имени, кроме профессора И.М. Ошанина. Фактически это был один словарь, в который на ходу добавлялись до странности быстро возникавшие приложения. Этот словарь был переиздан в КНР и удостоился премии Президиума АН СССР.

Справедливости ради надо отметить, что проф. И.М. Ошанин не забыл В.М. Алексеева и через четверть века в трех абзацах предисловия к БКРС и в аннотации к словарю отметил заслуги академика. В БКРС появилось посвящение: «Светлой памяти академика В.М. Алексеева». В предисловии имя академика упомянуто несколько раз. И.М. Ошанин признал то, что В.М. Алексееву принадлежала **мысль** о «большом словаре», которую он **высказывал** не раз еще в 1930-е гг. [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. Он отметил огромный вклад ленинградских ученых, выразил соболезнование ленинградским коллегам, погибшим в годы войны [Там же].

Но все же некоторые факты нуждаются в уточнении. В аннотации к БКРС сказано, что в работе над словарем «также использовались материалы неопубликованной рукописи “Китайско-русского словаря”, составленной в 1938—50 гг. коллективом китаистов под руководством академика В.М. Алексеева» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 4]. Из этого следует, что ленинградцы работали над словарем в 1938—1950 гг., т. е. в течении 12 лет. Это противоречит отчету академика о том, что словарь «вчерне» был готов в далеком 1931 г. Хотя И.М. Ошанин был свидетелем и участником завершения работы над первым томом Большого китайско-русского словаря в 1946 г. и над двумя первыми томами в 1948 г., в предисло-

вии он настаивает на том, что «осуществить такую мечту [о большом китайско-русском словаре. — Е.С.] В.М. Алексееву не пришлось» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. Проф. И.М. Ошанин даже не обратил внимания на то, что, сам себе противореча, внизу страницы поместил ссылку на опубликованный в 1948 г. макет двух подготовленных к печати алексеевских томов [Там же].

В.М. Алексееву отводилась роль разработчика учебного словаря. «Тогда, — написано в предисловии, — более срочной задачей в китайско-русской лексикографии было создание достаточно полного китайско-русского учебного словаря... За составление такого словаря под руководством акад. Алексеева и принялся созданный им коллектив ленинградских китаистов, в состав которого в конце 40-х годов В.М. Алексеев включил и некоторых китаистов из Москвы» [Там же]. Далее, со слов И.М. Ошанина, ситуация складывалась следующим образом: «Рукопись еще была далека от завершения, и В.М. Алексеев не успел подготовить ее к печати. В 1950 г. он предложил мне на основе ленинградской рукописи составить и издать учебный словарь меньшего размера» [Там же]. Слова о рукописи учебного словаря, которая «еще была далека от завершения», и о завещании своего детища В.М. Алексеевым в 1950 г. проф. И.М. Ошанину, расходятся с уже процитированным сообщением академика от 1947 г. об окончании работы над словарем, «удовлетворяющим первой надобности учащихся».

Нуждается в уточнении также фраза из предисловия о том, что «работа по составлению БКРС была начата в 1956 г.» [Там же]. В спорности этого утверждения убеждает заметка от 1958 г. в журнале «Советское китаеведение», издававшимся Институтом китаеведения. В ней говорится: «Из трудов,готавливаемых сектором языков народов Китая, необходимо отметить четырехтомный Большой китайско-русский словарь, содержащий более 250 тыс. слов и выражений. Это результат многолетней работы коллектива советских китаистов-лингвистов» [Сухарчук, 1958, с. 202]. Иначе говоря, в 1958 г. уже было известно количество томов и содержащихся в словаре слов. Обычно заранее в начале работы количество томов не планируется, поэтому единственное на сегодняшний день объяснение упомянутым четырем томам заключается в том, что группой В.М. Алексеева уже было подготовлено четыре тома, два из которых были доведены до печати (но не изданы). Кроме того, свидетельство 1958 г. о том, что это «результат многолетней работы», не согласуется с сообщением о 1956 г. как времени начала работы по составлению БКРС. В плане количества томов и содержащихся в них слов изданный в 1983—1984 гг. БКРС полностью совпадает с объемом словаря, упомянутым в «Советском китаеведении».

Не только весь массив словаря академика В.М. Алексеева был уникален. В его составе были отдельные подлинные шедевры. Это, в первую очередь, следует отнести к таблице перевода китайских циклических дат на даты григорианского календаря, составленной В.Н. Казиным [Петров, 1982 а, с. 403; Петров, 1982, с. 499; Попова 2011, с. 151—191]. В.М. Алексеев в 1947 г. писал, что «у нас имеется ждущее лишь оформления предприятие... , которое явится, вероятно, на долгие времена и будет тем более ценным для нас и всех синологов мира, что в основе его лежит необыкновенно остроумно продуманная таблица, позволяющая переводить китайские циклические даты на европейские гораздо быстрее,

чем все доселе известные таблицы... Этот хронологический справочник, не списанный с других, а самостоятельно разработанный одним из лучших молодых историков (ныне покойным), будет одним из очень редких, имеющих научное значение» [Алексеев, 1982, с. 126]. Хотя В.Н. Казин отказался от участия в составлении словаря [Алексеев, 1982, с. 109], представляется, что В.М. Алексеев имел в виду включение в словарь его таблицы. Опубликованные во всех «ошанинских» словарях «Правила перевода китайского циклического летоисчисления на общую хронологию» не имеют ссылки на автора. В предисловии к БКРС профессор И.М. Ошанин, расписав работу каждого составителя 1-го тома, обошел молчанием раздел «Китайский календарь» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 8]. Вопрос о вкладе В.Н. Казина в «ошанинские» словари пока остается открытым. Надеюсь, что коллеги внесут в него ясность.

По своему содержанию БКРС является воплощением принципа, сформулированного В.М. Алексеевым: «Изучать язык без изучения культуры невозможно. Здесь существует целостное соотношение: изучай язык, чтобы изучать культуру, ибо она понятна только владеющему языком; изучай культуру, чтобы изучить язык, ибо он является ее отражением» [Серебряков, Янсон, 2006, с. 291].

Post post scriptum

Создание БКРС растянулось фактически на все время существования Советского Союза и переплелось с историей советского китаеведения, Великой Отечественной войной, политическими кампаниями, столкновениями амбиций ученых.

В.М. Алексеев был вдохновителем и локомотивом создания большого китайско-русского словаря на научной основе. Он искал такую формулу для большого двуязычного словаря, которая, несмотря на его размеры, исключала бы появление случайных слов. Это был абсолютно новаторский подход, основные принципы которого, к сожалению, до сих пор не изучены.

Ему и его соратникам удалось подготовить к печати словарь для учащихся и два тома предполагавшегося четырехтомного словаря, которые, как почти все, что готовил академик, не были опубликованы.

Материалы, собиравшиеся В.М. Алексеевым и его сподвижниками на протяжении 30 лет, начиная с 1920-х гг., в 1950 г. оказались в московском Институте востоковедения в распоряжении профессора И.М. Ошанина. Запутанная и длительная история создания БКРС привела к тому, что ни В.М. Алексееву, ни его самоотверженным ученикам и коллегам не нашлось места в списках авторов.

Авторами БКРС, достойными соответствующих премий и лауреатских званий, пусть и с опозданием, следует признать не только тех ученых, кого принимал на работу лично И.М. Ошанин, но и тех, кто работал в Ленинграде, и прежде всего самого В.М. Алексеева. Это нужно сделать для того, чтобы, не умаляя роли проф. И.М. Ошанина и его кадров, восстановить историческую справедливость и отдать долг памяти тем, кто не только заложил основу словаря, но и определил его формат, а также создал фундаментальный материальный задел, без которого

не было бы БКРС. Требуется пересмотр вклада участников этого уникального для российской науки предприятия. Следует подготовить и издать отдельным приложением к БКРС список всех составителей словаря с биографическими аннотациями.

Библиографический список

Алексеев В.М. Китайско-русский словарь, составленный коллективом китаистов. Пробный макет словаря / сост. под ред. В.М. Алексеева. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. 84 с.

Алексеев В.М. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 536 с.

Араушкин Н.С., Надточенко Б.Я. Карманный китайско-русский словарь. 8500 слов. М.: Издательство «Русский язык», 1975. 208 с.

Баньковская М.В. «Выпрямляя имена» (Послесловие к разделу «Новый Китай...») // В.М. Алексеев. Труды по китайской литературе. В 2 кн. / сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. Кн. 2. С. 366—398.

Баньковская М.В. Труденик науки о Востоке. К 110-летию со дня рождения В.М. Алексеева // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 1991. № 6. С. 112—116.

Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря / сост. для руководства студентов проф. Санкт-Петербургского университета Васильевым. СПб.: И. Таблен и Ко, 1867. XVI+456 с. (Литогр.) URL: <https://ci.spbu.ru/archive/Book/Vasilev-slovar/> (дата обращения: 10.06.2023).

Григорьев Г.М. Краткий китайско-русский словарь. Ок. 17 000 слов / сост. Г.М. Григорьев; под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 514+XX с.

Григорьев Г.М. Краткий китайско-русский словарь. Ок. 19 000 слов / сост. Г.М. Григорьев; под ред. проф. И.М. Ошанина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1962. 632 с.

Делюсин Л.П. Интервью: д.и.н., профессор Л.П. Делюсин. / Э.А. Синецкая (ИВ РАН) вела интервью и составила примечания. Дата и место: февраль—июнь 2009 г., Москва. Проект «Китаеведение — устная история». 51 с. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/004_Delusin_02-06_2009.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Исаенко Б.[С.], Коротков Н.[Н], Советов-Чэнь И.[И.]. Учебник китайского языка / под ред. Н.Н. Короткова; фонетическая часть «Вводного курса» написана И.И. Гальцевым. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1954. 540 с.+1 л. табл. слогов кит. языка.

Колоколов В.С. Краткий китайско-русский лексикон / сост. В.С. Колоколов при ближайшем участии Лянь-Кунь, Хон Ким-пио и М.Д. Кокина. М.: Издательство Восточного института им. Нариманова, 1927. IX+207 с. (литогр.)

Колоколов В.С. Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины / сост. В.С. Колоколов; под ред. М.М. Абрамсона и Ху Цзя. М.: ОГИЗ РСФСР — Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. 686 с. + 1 л. табл. словообразующих слогов.

Крюков М.В. Интервью с китаеведом, д.и.н., профессором Крюковым Михаилом Васильевичем. Дата: 17 июня 2016 г. / вела интервью: В.Ц. Головачев, М.Е. Кузнецова-Фетисова; участник: Хуан Шу-ин; примечания: В.Ц. Головачев, М.Е. Кузнецова-Фетисова [Проект «Российское китаеведение — устная история». 88 с. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Kriukovym_Mikhailom_Vasilevichem.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Кузес В.С., Ошанин И.М. Приложения и указатели к китайско-русскому словарю / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 208 с.

Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. Из истории советского востоковедения, 1917—1967. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 230 с.

Мудров Б.Г. и др. Китайско-русский словарь. Около 60000 слов и словосочетаний. = 汉俄词典 / З.И. Баранова, В.А. Жаворонков, В.Е. Гладцков, Б.Г. Мудров; под ред. Б.Г. Мудрова. М.: Издательство «Русский язык», 1980. 528 с.

Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Главная редакция издательства «Наука», 1970. 416 с.

Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. Ок. 65 000 слов и выражений / под ред. И.М. Ошанина. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1952. XIII+891 с.

Ошанин И.М. Ключевой указатель к китайско-русскому словарю = 華俄辭典部首檢字表 / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 63 с.¹

Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. Более 70 000 слов и выражений. Изд. второе, испр. и доп. / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 900 с.

Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. Более 70 000 слов и выражений. Изд. третье (репродуцировано со второго издания 1955 г.) / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 1100 с.

Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах = 華俄辭典. Ок. 250 000 слов и выражений / сост. коллективом Китаистов под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983—1984.

Петров В.В. Библиография, etc. / В.М. Алексеев. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 456—527.

Петров В.В. Примечания / В.М. Алексеев. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 389—442.

Пешуров Д.А. Китайско-русский словарь (по графической системе). СПб.: Типография имп. Академии наук, 1891. X+266 с.

Попова И.Ф., Казин В.Н. «Юн-лэ да дянь»: рукопись библиотеки ЛГУ. Дипломная работа / предисл. и публикация И.Ф. Поповой // Труды архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1: Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941—1944) / под общ. ред. И.Ф. Поповой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 151—191.

Розенберг О.О. Опыт кодификации идеографического элемента японского языка // Известия Российской Академии наук. 1918. Серия VI (Т. XII). № 16. 15 ноября. С. 1740—1746.

Розенберг О.О. Опыт кодификации идеографического элемента японского языка // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии наук. Петроград, 1918. Разд. паг.

Серебряков Е.А., Янсон Р.А. Восточный факультет Санкт-Петербургского университета и деятельность Китаеведов // Санкт-Петербург — Китай: три века контактов. СПб.: «Европейский Дом», 2006. С. 289—295.

Серова С.А. Интервью со Светланой Андреевной Серовой. Дата интервью: 03.09.2012, 01.04.2019, 22.08.2019, 28.08.2019 / Интервьюеры: Е.А. Коротков, Т.Б. Будаева; комментарии и редактирование: Т.Б. Будаева, В.Ц. Головачев [Проект «Российское Китаеведение — устная история»]. 56 с. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Serova_interview_2019.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Скачков П.Е. Библиография Китая. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 691 с.

¹ П.Е. Скачков ошибочно указал 1952 г. издания (см.: [Скачков, 1960, с. 489]).

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 505 с.

Сухарчук Г.Д. Институт Китаеведения Академии Наук СССР // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 201—202.

Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 384 с.

Фомина Н.И. Владимир Сергеевич Кузес (1923—2008). IN MEMORIAM // Восток (Oriens). Афро-Азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 218—219. URL: <https://naukarus.com/vladimir-sergeevich-kuzes-1923-2008> (дата обращения: 10.06.2023).

Чэнь Юйцюн. Об истории составления китайско-русских словарей в России и Китае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 67—77.

References

Alekseyev, V.M. (1948). *Kitaysko-russkiy slovar'*. Sost. kolektivom kitaistov. Probnyy maket slovarya [A Chinese-Russian Dictionary. Comp. by a team of sinologists. Dictionary Trial Layout], compl. by V.M. Alekseyeva. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 84 p. (In Russian and Chinese).

Alekseyev, V.M. (1982). *Nauka o Vostoke* [Science about the East]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”. 536 p. (In Russian).

Araushkin, N.S., Nadtochenko, B.Y. (1975). *Karmannyi kitaysko-russkiy slovar'*. 8 500 slov [Pocket Chinese-Russian Dictionary. 8,500 words]. M.: Izdatel'stvo “Russkiy yazyk”, 1975. 208 p. (In Russian).

Ban'kovskaya, M.V. (1991). *Truzhenik nauki o Vostoke. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya V.M. Alekseyeva* [Hard worker of science about the East. To the 110th anniversary of the birth of V.M. Alekseev]. *Vostok (Oriens)*, No. 6. Pp. 112—116. (In Russian).

Ban'kovskaya, M.V. (2003). “Vypryamlyaya imena” (Poslesloviye k razdelu “Novyy Kitay...”) [“Straightening the names”]. V.M. Alekseyev, works on Chinese literature in other books, compl. by M.V. Ban'kovskaya, resp. ed. B.L. Riftin. M.: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, Book 2. Pp. 366—398. (In Russian).

Chen, Yuqiong. (2023). *Ob istorii sostavleniya kitaysko-russkikh slovarey v Rossii i Kitaye* [On the history of compilation chinese-russian dictionaries in Russia and China]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, Vol.15, No. 1, Pp. 67—77. (In Russian).

Delyusin, L.P. (2009). *Interv'yu: d.i.n., professor L.P. Delyusin*. [Interview with Professor Lev P. Deliusin]. E.A. Sinetskaya (IV RAN) vela interv'yu i sostavila primechaniya. Data i mesto: fevral'-iyun' 2009 g., Moskva. *Proyekt “Kitayevedeniye — ustnaya istoriya”*. [E.A. Sinetskaya (IV RAS) conducted interviews and compiled notes. Date and place: February-June 2009. Moscow. “Sinology — Oral History”]. Project (The project is supported by the “The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University”). 51 p. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/004_Delusin_02-06_2009.pdf (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Fomina, N.I. (2009). *Vladimir Sergeevich Kuzes (1923—2008)*. IN MEMORIAM. *Vostok (Oriens)*, No. 1. Pp. 218—219. URL: <https://naukarus.com/vladimir-sergeevich-kuzes-1923-2008> (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Grigor'yev, G.M. (1956). *Kratkiy kitaysko-russkiy slovar'*. Ok. 17 000 slov [Concise Chinese-Russian Dictionary. Approx. 17,000 words], compl. G.M. Grigor'yev, under ed. by prof. I.M. Oshanina. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 514+XX p. (In Russian and Chinese).

Grigor'yev, G.M. (1962). *Kratkiy kitaysko-russkiy slovar'*. Ok. 19 000 slov [Concise Chinese-Russian Dictionary. Approx. 19,000 words], compl. by G.M. Grigor'yev, ed. by prof. I.M.

Oshanina. Second edition, revised and completed. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 632 p. (In Russian and Chinese).

Isayenko, B.[S.], Korotkov, N.[N], Sovetov-Chen, I.[I.]. (1954). Uchebnik kitayskogo yazyka [Chinese Language Textbook], ed. by N.N. Korotkov, phonetic part of the “Introductory course” written by I.I. Galtsev. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. 540 p.+1 l. tablitsy slogov kitayskogo yazyka. (In Russian and Chinese).

Kolokolov, V.S. (1927). Kratkiy kitaysko-russkiy leksikon [Concise Chinese-Russian Lexicon], compl. by V.S. Kolokolov with the close participation of Lian-Kun, Hong Kim-pio and M.D. Kokin. M.: Izdatel'stvo Vostochnogo instituta im. Narimanova. IX+207 p. (Litogr.). (In Russian and Chinese).

Kolokolov, V.S. (1935). Kratkiy kitaysko-russkiy slovar' po graficheskoy sisteme, vklyuchayushchiy vazhneyshiyey voyennyye terminy [Concise Chinese-Russian dictionary on the graphic system, including the most important military terms], compl. by V.S. Kolokolov, ed. by M.M. Abramsona i Hu Jia. M.: OGIZ RSFSR — State Institute “Sovetskaya entsiklopediya”. 686 p. + 1 table. word-forming syllables. (In Russian and Chinese).

Kryukov, M.V. (2016). Interv'yu s kitayevodom, d.i.n., professorom Kryukovym Mikhailom Vasilyevichem. Data: 17 iyunya 2016 g. [Interview with a sinologist, doctor of hist., professor Kryukov Mikhail Vasilyevich. Date: June 17, 2016]. Conducted the interview: V.C. Golovachev, M.E. Kuznetsova-Fetisova; participant: Huang Shu-ying; notes: V.C. Golovachev, M.E. Kuznetsova-Fetisova. Project “Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya”. = “Russian Sinology — Oral History” Project. 88 p. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Kriukovym_Mikhailom_Vasilevichem.pdf (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Kuzes, V.S., Oshanin I.M. (1955). Prilozheniya i ukazateli k kitaysko-russkomu slovaryu [Appendices and Indexes to the Chinese-Russian Dictionary], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 208 p. (In Russian).

Kuznetsova, N.A., Kulagina L.M. (1970). Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya, 1917—1967 [From the History of Soviet Oriental Studies, 1917—1967]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”. 230 p. (In Russian).

Mudrov, B.G. (1980). Kitaysko-russkiy slovar'. Ok. 60 000 slov i slovosochetaniy [A Chinese-Russian Dictionary. Approx. 60,000 words and phrases] 汉俄词典. Z.I. Baranova, V.A. Zhavoronkov, V.Ye. Gladtskov, B.G. Mudrov, ed. by B.G. Mudrov. M.: Izdatel'stvo “Russkiy yazyk”. 528 p. (In Russian and Chinese).

Nikiforov, V.N. (1970). Sovetskiye istoriki o problemakh Kitaya [Soviet Historians about the Problems of China]. M.: Glavnaya redaktsiya izdatel'stva “Nauka”. 416 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1952). Kitaysko-russkiy slovar'. Ok. 65 000 slov i vyrazheniy [A Chinese-Russian Dictionary. Approx. 65,000 words and expressions], ed. by I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. XIII+891 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1953). Klyuchevoy ukazatel' k kitaysko-russkomu slovaryu 華俄辭典部首檢字表 [Key Index to the Chinese-Russian Dictionary 華俄辭典部首檢字表], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 63 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1955). Kitaysko-russkiy slovar'. Boleye 70 000 slov i vyrazheniy. Izdaniye vtoroye, ispravlennoye i dopolnennoye [A Chinese-Russian Dictionary. Over 70,000 words and expressions. Second edition, corrected and enlarged], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 900 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1959). Kitaysko-russkiy slovar'. Boleye 70 000 slov i vyrazheniy. Izdaniye tret'ye (reproduktirovano so vtorogo izdaniya 1955 g.) [A Chinese-Russian Dictionary. Over 70,000 words and expressions. Third edition (reproduced from the second edition of 1955)], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 1100 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1983—1984). Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' po russkoy graficheskoy sisteme v 4 tomakh 華俄辭典. Ok. 250 000 slov i vyrazheniy [Large Chinese-Russian Dictionary on the Russian Graphic System in 4 volumes 華俄辭典. Approx. 250,000 words and expressions], comp. by a team of

Sinologists under the guidance and editorship of prof. I.M. Oshanin. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka", 1983—1984. (In Russian).

Peshchurov, D.A. (1891). Kitaysko-russkiy slovar'. (Po graficheskoy sisteme) [A Chinese-Russian Dictionary. (By graphics system)], SPb.: Tipografiya imp. Akademii nauk. X+266 p. (In Russian).

Petrov, V.V. (1982). Bibliografiya, etc. [Bibliography, etc.]. V.M. Alekseyev. Nauka o Vostoke. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka». S. 456—527. (In Russian).

Petrov, V.V. (1982 a). Primechaniya [Comments]. V.M. Alekseyev. Nauka o Vostoke. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka". Pp. 389—442. (In Russian).

Popova, I.F. (2011). V.N. Kazin. "Yong-le da dian": rukopis' biblioteki LGU. Diplomnaya rabota. Predisloviye i publikatsiya I.F. Popovoy ["Yun-le da dian": manuscript of the Leningrad State University library. Degree work. Foreword and publication by I.F. Popova]. Proceedings of the Archive of Orientalists of the Hebrew Academy of Sciences. Issue 1: Works of Orientalists during the siege of Leningrad (1941—1944), under the general editorship of I.F. Popova. M.: Publishing Company "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2011. Pp. 151—191. (In Russian).

Rozenberg, O.O. (1918). Opyt kodifikatsii ideograficheskogo elementa yaponskogo yazyka [Experience of codification of the ideographic element of the Japanese language]. Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Series VI (Vol. XII), No. 16. 15 November. Pp. 1740—1746. (In Russian).

Rozenberg, O.O. (1918 a). Opyt kodifikatsii ideograficheskogo elementa yaponskogo yazyka [Experience of codification of the ideographic element of the Japanese language]. Aziatskiy sbornik. Iz Izvestiy Rossiyskoy Akademii nauk. Petrograd. Razd. paginatsiya. (In Russian).

Serebryakov, Ye.A., Yanson R.A. (2006). Vostochnyy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta i deyatel'nost' kitayevodov [Oriental Studies faculty of St. Petersburg University and the activities of sinologists], Sankt-Peterburg — Kitay: tri veka kontaktov. SPb.: "Yevropeyskiy Dom". Pp. 289—295. (In Russian).

Serova, S.A. (2019). Interv'yu so Svetlanoy Andreyevnoy Serovoy. [Interview with Svetlana A. Serova]. Interview date: 03.09.2012, 01.04.2019; 22.08.2019, 28.08.2019 / Interviewers: E.A. Korotkov, T.B. Budaeva; comments and editing: T.B. Budaeva, V.C. Golovachev. Proyekt "Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya" ["Russian Sinology — Oral History" Project]. 56 p. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Serova_interview_2019.pdf (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Skachkov, P.Ye. (1960). Bibliografiya Kitaya [Bibliography of China], M.: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. 691 p. (In Russian).

Skachkov, P.Ye. (1977). Ocherki istorii russkogo kitayevedeniya [Essays on the History of Russian Sinology], M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka". 505 p. (In Russian).

Sukharchuk, G.D. (1958). Institut Kitayevedeniya Akademii Nauk SSSR [Institute of Chinese Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. Sovetskoye kitayevedeniye, No. 1. Pp. 201—202. (In Russian).

Usov, V.N. (2002). Sovetskaya razvedka v Kitaye. 20-ye gody XX veka [Soviet Intelligence in China. 20th century 20s]. M.: OLMA-PRESS. 384 p. (In Russian).

Vasil'yev, [V.P.]. (1867). Graficheskaya sistema kitayskikh iyeroglifov. Opyt pervogo kitaysko-russkogo slovarya [Graphic System of Chinese Characters. Experience of the First Chinese-Russian Dictionary]. Comp. for the guidance of students by prof. St. Petersburg University Vasiliev. SPb.: I. Tablen i Ko. XVI+456 p. (Litogr.). URL: <https://ci.spbu.ru/archive/Book/Vasilev-slovar> (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

* * *

Barllow, John S. (1995). Appendix C. A short history of the Rozenberg graphical system. A Chinese-Russian-English Dictionary: arranged by the Rosenberg graphical system (Mudrov's "Chinese-Russian Dictionary" with an English text and app. [by John S. Barllow]). Honolulu: University of Hawaii Press. Pp. 795—800.

Mudrov, B.G. (1995). A Chinese-Russian-English Dictionary: arranged by the Rosenberg graphical system (Mudrov's "Chinese-Russian Dictionary" with an English text and app [by John S. Barflow]). Honolulu: University of Hawaii Press. xxiii+830 pp. (In English, Russian, Chinese).

Rosenberg, O. (1916). Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System with Japanese Dictionary of 8,000 Characters and List of 22,000 Characters. Tokyo: Kobunsha. 15+546 pp.

Wong, Y.W. (1926). Wong's System of Chinese Lexicography. The Four-corner Numeral System in Arranging Chinese Characters. Shanghai: The Commercial Press. 48+25 p. (In English and Chinese).

Wong, Y.W. 王雲五. (1930). Wang Yin Wu da cidian 王雲五大辭典 [Big Dictionary by Wong Yeun-wu]. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1930. 1384 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 01.09.2023. Received: 1 September 2023.

Принята к публикации: 29.09.2023. Accepted: 29 September 2023.